

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.

ЖУРНАЛЪ,

посвященный изслѣдованіямъ и разработкѣ разныхъ вопросовъ по языку, литературѣ и вообще по сравнительному языкознанію и славянскимъ нарѣчіямъ.

Изд. А. Хованскимъ.

Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Мин. Народ. Просвѣщенія и рекомендованъ учебнымъ заведеніямъ, также Главнымъ Управленіемъ Военно-Учеб. Заведеній и Совѣтомъ Женскихъ Учеб. Заведеній вѣдомства Императрицы Маріи. Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ одобренъ къ приобретенію за прежніе годы въ фундаментальныя бібліотеки Духовныхъ Семинарій и Училищъ. На Всероссийской выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году Комиссіей присужденъ журналу похвальный отзывъ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

ВЫПУСКЪ IV.

Воронежъ.

Въ Типографіи В. И. Исаева.

1897.

СОДЕРЖАНІЕ IV ВЪПУСКА.

Объ изданіи Фил. Зап. въ 1898 году.

Русскія историческія пѣсни XVII вѣка.

Ем. Кале.

Значеніе произведеній русской литературы съ точки зрѣ-
нія библейской нравственности.

А. В. Барсова.

Замѣтка о внѣклассномъ чтеніи учащихся.

М. Харламова.

Памяти Федора Ивановича Буслаева.

Н. Н. Бакуловскаго.

† Федоръ Ивановичъ Буслаевъ.

Ред.

Къ вопросу о русскомъ правописаніи.

П. А. Адамова.

Замѣтка о драматическихъ произведеніяхъ С. Полоцкаго.

С. Н. Брайловскаго.

О преподаваніи латинскаго языка въ Духовныхъ Се-
минаріяхъ и Училищахъ.

Г. И. Можарова.

Библиографія. Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ со-
ставъ русскаго языка.

Н. К. Рамзевича.

Особенности вологодскаго говора.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ЗНАЧЕНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ БИБЛЕЙСКОЙ ПРАВСТВЕННОСТИ.

Словесности въ нашей средней школѣ отведена очень узкая роль: программа требуетъ изученія преимущественно языка. Въ „Объяснительной запискѣ“ о преподаваніи словесности въ старшихъ классахъ сказано: „Главная цѣль этихъ занятій должна быть та же, что и въ предъидущихъ классахъ (I—IV)—изученіе русскаго, отечественнаго языка. Различіе между изученіемъ его въ низшихъ и высшихъ классахъ состоитъ въ томъ, что въ первыхъ теоретическая часть преподаванія имѣетъ исключительно грамматическій характеръ, а въ послѣднихъ грамматическія свѣдѣнія должны дополняться стилистическими и историко-литературными“.

Какъ изучать языкъ безъ содержанія? Въ дальнѣйшемъ говорится: „Отъ учителя требуется, чтобы онъ при чтеніи и разборѣ указанныхъ въ программѣ каждаго класса произведеній какъ древней, такъ и новой русской словесности не вдавался на урокахъ ни въ критику, ни въ излишнія историко-литературныя подробности, а имѣлъ въ виду главнымъ образомъ ознакомить учениковъ съ содержаніемъ, планомъ, литературною формою, основною идеею и языкомъ читаемаго и разбираемаго произведенія“. Но въ этомъ расширеніи задачи мало пользы: требуется „планъ, литературная форма, идея“... разныя „отрывки“, потому что по программѣ полагается: „Отрывки изъ Лѣтописи“, „Отрывки изъ „Слова въ новую недѣлю по Пасцѣ“; „Отрывки изъ „Хожденія“, „Главнѣйшіе отрывки изъ „Слова о полку Игоревѣ“ и т. д.; даже прагматизмъ въ „Исторіи князя великаго Московскаго о дѣлахъ“ нужно прослѣдить по „отрывкамъ“.

На прохожденіе курса словесности XI—XIX столѣтій отведено въ 5, 6 и 7 классахъ по три урока въ недѣлю, изъ которыхъ одинъ еще нужно посвящать на письменную работу; а „между письменными работами,“ говорится въ „Объяснит. запискѣ“: особенное вниманіе слѣдуетъ обратить

на классные переводы съ древнихъ языковъ на русскій“. На древніе языки дается въ тѣхъ же классахъ по одиннадцати уроковъ и при всемъ томъ на подспорье имъ отрывается урокъ отъ русской словесности! Развѣ преподаватели древнихъ языковъ не должны быть компетентными заниматься переводами съ древнихъ языковъ на русскій? У учителя словесности, даже при узкой постановкѣ дѣла, масса работы въ классѣ: провѣрка и составленіе плановъ, выводъ идеи и выслушиваніе содержанія литературныхъ произведеній, объясненіе темъ, выдача тетрадей съ замѣчаніями, выслушиваніе урока и проч.; кто занимался этимъ дѣломъ не формально только, а съ душою, тотъ знаетъ количество времени, потребнаго на веденіе дѣла преподаванія словесности: у самыхъ лучшихъ преподавателей опускаются руки; а посредственные учителя, не мудрствуя лукаво, задаютъ по учебнику, а потомъ, выслушивая, дремлютъ подъ жужжанье“ отвѣчающаго урока. Не мудро послѣ этого, что постоянно слышатся жалобы на безграмотность, безколоритность и пустоту ученическихъ сочиненій, жалуются на оскудѣніе литературныхъ талантовъ, на отсутствіе идеаловъ. Не создадутъ идеаловъ сами юноши, не выработаются литературные таланты на жалкихъ литературныхъ отрывкахъ... Мы чужды тенденціознаго намѣренія вдаваться въ порицаніе существующей постановки дѣла; но въ спеціально педагогическомъ журналѣ позволительно выразить скромное желаніе, чтобы русской словесности было отведено подобающее мѣсто, чтобы она была не „учебною“ только, а имѣла просвѣтительное и воспитательное значеніе.

Неужели въ произведеніяхъ русской словесности самое важное — языкъ? На нашъ взглядъ, языкъ многихъ литературныхъ произведеній очень мало заслуживаетъ подражанія (по своей устарѣлости, напр.); изучать же его съ строго научною цѣлью — рано и непосильно: появлявшіяся въ педагогическихъ журналахъ статьи объ этой сторонѣ дѣла показываютъ, что и преподаватели не вполне знаютъ, какъ вѣстись за это дѣло. Не только въ высшихъ, но и въ низшихъ классахъ должна изучаться внутренняя сторона произведеній, ихъ содержаніе; тогда

въ лирической поэзіи мы почувствуемъ біеніе русскаго сердца; въ эпической и драматической поэзіи узнаемъ весь строй души окружающихъ людей, подслушаемъ добрыя и злыя намѣренія ихъ и узнаемъ по результатамъ цѣну добра и зла; изучимъ обычаи, нравы, традиціи, суевѣрія, идеалы; получимъ возможность разобратъся въ кажущемся хаосѣ ежедневныхъ явленій человѣческой жизни. Литература—единственный предметъ, который учитъ жить сознательно, идейно, направлять свои дѣйствія къ опредѣленному, болѣе или мене возвышенному, идеалу. Въ этомъ заключается просвѣтительное значеніе среди общеобразовательныхъ предметовъ: пониманіе явленій окружающей человѣческой жизни, умѣнье жить сознательно—необходимо не специалистамъ только, не преподавателямъ словесности, а всѣмъ безъ исключенія; невѣжество, непониманіе людей поражаетъ Маниловыхъ, у которыхъ всѣ—„прекрасные люди“, а также Собакевичей, по мнѣнію которыхъ, всѣ—„мошенники и разбойники“: только рус. литература, преподаваемая цѣлесообразно, можетъ просвѣтить взглядъ на окружающихъ людей.

Другое великое значеніе литературы—воспитывать, просвѣщать людей нравственно, вести къ совершенству: а достигнуть этого можно не отвлеченными только нравученіями, выхваченными изъ нравственнаго богословія или изъ хорошихъ книжекъ, но преимущественно приведеніемъ образцовыхъ примѣровъ вполне нравственно изображенныхъ въ литературѣ лицъ съ ихъ дѣйствіями, чувствованіями, желаніями, мыслями. Но чтобы человѣкъ, при осмысленности жизни, велъ доброкачественную въ нравственномъ отношеніи жизнь, нужно избѣгать индифферентности во взглядахъ на поступки людей. Если наша школа должна быть христіанскою (а въ этомъ, кажется, нельзя сомнѣваться), то все должно изображаться съ точки зрѣнія христіанской нравственности. Художественная сторона въ воспитаніи, конечно, есть дѣло школы; но она представляетъ болѣе спеціальныи интересъ, преимущественно—содѣйствуетъ развитію таланта, указываетъ на его значеніе въ литературѣ; а все, что есть въ художественности воспитательнаго, производитъ свое дѣйствіе на душу непосредственно, помимо анализа.

Главное назначеніе литературы должно состоять въ томъ, чтобы она, просвѣщая, воспитывала. При осуществленіи этой цѣли литература, какъ учебный предметъ, отрѣшившись отъ чрезмѣрной погони за стилистикой, синтаксисомъ и этимологіей съ казуистическою орѳографіей, возбуждаетъ высокій интересъ: при разборѣ произведеній рѣшаются существенные „вопросы жизни“.

Разбору въ моихъ статьяхъ подвергнутся поэтическіе образцы Пушкинскаго періода, указанные „Учебными планами“. Матеріала дается больше, чѣмъ можно провести на урокахъ, но это—попытка установить мотивированный взглядъ на литературные факты, во избѣжаніе блужданій при оцѣнкѣ доброкачественности лицъ. Порядокъ разбора произведеній опредѣляется только субъективными причинами вызывающими на размышленіе о томъ или другомъ вопросѣ жизни.

Какъ часто человекъ, приходитъ къ безотрадному взгляду на результаты добра и зла! а если не самъ онъ дойдетъ до этого, то близкіе могутъ указать ему. И ропщетъ человекъ на судьбу свою, на неправду людскую, и въ отмщеніе самъ творитъ неправду. Такъ неправда растетъ и растетъ, награждаются цѣлыя горы—и было бы горе міру, еслибы жизнь не приводила и къ противоположному взгляду, еслибы люди, при болѣе внимательномъ вниканіи въ явленія жизни, не приходили къ идеѣ, согласной со взглядомъ христіанства: „Богъ воздастъ каждому по его дѣламъ“.

„Законы исторіи суть правосудіе Божіе, говоритъ Ренанъ: въ книгѣ Іова Богъ, чтобы показать, что онъ могущъ, сокрушаетъ торжествующаго; исторія философіи согласна съ древнею поэмою“. Это—взглядъ пессимиста, котораго никакъ нельзя заподозрить въ тенденціозномъ отстаиваніи христіанскаго взгляда о возмездіи; придавая важное значеніе религіи, Ренанъ никакъ не былъ христіаниномъ: онъ уважалъ всякую вѣру, а самъ не имѣлъ никакой. Очевидно, высказывая мысль о правосудіи Божіемъ, совершающемся въ исторіи, Ренанъ, въ качествѣ историка, дѣлаетъ выводъ изъ исторіи, а на идею книги Іова указываетъ въ виду совпаденія ея съ философскимъ выводомъ изъ историческихъ фактовъ. Въ этомъ случаѣ Ренанъ служитъ мостомъ отъ невѣ-

рія къ вѣрѣ въ правду Божию: выводъ разумъ совпадаетъ съ библейскою истиною: „Богъ судитъ живыхъ и мертвыхъ“.

Правда Божія совершается въ исторіи и въ жизни отодѣльнаго лица: „Не уйдешь отъ отъ суда мірскаго, какъ не уйдешь отъ Божьяго суда“, говоритъ народъ. Но неизбѣжно ли это? Судъ мірскаго совершается по законамъ людскимъ, при посредствѣ лицъ, поставленныхъ для производства мірскаго суда, именно — судей. Что касается суда Божія, то онъ предполагается, обыкновенно, въ загробной жизни; а здѣсь, „все хотящіе благочестиво жить, по слову Апостола, будутъ гонимы; злые же люди и обманщики будутъ преуспѣвать во злѣ“. Такъ, есть ли какой нибудь смыслъ въ добрѣ? Если люди достигаютъ счастья обманомъ, интригою, зломъ, если на чужой бѣдѣ можно построить свое личное счастье, а воздаяніе только въ загробной жизни, въ какой-то невѣдомой странѣ, то есть ли смыслъ здѣшнимъ осязательнымъ счастьемъ жертвовать для какого-то сомнительнаго блаженства? Безсмысленно бояться зла и жертвовать счастьемъ для добра, оправдываемаго какими-то отвлеченными соображеніями: добро, говорятъ, вытекаетъ изъ нѣкоторыхъ свойствъ человѣческой природы: изъ способностей стыда, сожалѣнія, благоговѣнія („Оправданіе добра“ Соловьева); но, если добро вытекаетъ изъ свойствъ человѣческой природы, то, несомнѣнно, въ человѣкѣ есть задатки (вѣроятно, еще большіе) зла: „есть иной законъ, по писанію, воюющій противъ закона добра“, этотъ противовоюющій законъ настолько силенъ, что даже благонамѣренный слѣдуя ему, дѣлаетъ не то, что хочетъ. Значить — для добра нужно искать другого мотива. Самый сильный мотивъ въ жизни — это желаніе личнаго счастья: дѣлающій зло побуждается желаніемъ счастья; но и тотъ, кто дѣлаетъ добро, никогда не скажетъ: „я дѣлаю добро, чтобы быть несчастнымъ; напротивъ — онъ дѣлаетъ добро для своего счастья. Только странно: лучшіе люди, которыхъ, по слову Апостола, „весь міръ не былъ достоинъ, скитались по пустынямъ и горамъ, по пещерамъ и ущельямъ земли“ — это ли счастье, достижимое для добрыхъ? Кто совершилъ преступленіе — и „достигъ высшей власти“; а тѣ, которыхъ

весь міръ не достоинъ, скитаются по пещерамъ: кто изъ нихъ счастливъ (блаженъ)? вѣдь добро совершается для счастья — счастье не есть награда. Является новый вопросъ, въ рѣшеніи котораго — „оправданіе добра“ и осужденіе зла: въ чемъ же не призрачное, а истинное счастье? Заключается ли оно въ славѣ, въ богатствѣ, въ успѣхахъ по службѣ, въ почестяхъ, въ семействѣ, въ усиленномъ трудѣ, въ постоянномъ отдыхѣ, въ ограниченіи потребностей или въ удовлетвореніи всѣхъ желаній, въ свѣтскихъ удовольствіяхъ — вообще въ матеріальныхъ благахъ? Какъ одного и того же матеріальнаго „блага“, одной и той же цѣли можно достигнуть и хорошими средствами и дурными, такъ достиженіе цѣли, приобрѣтеніе „блага“ въ одномъ случаѣ принесеть истинное счастье, въ другомъ — призрачное, или вѣрнѣе — несчастіе. Достигъ чловѣкъ, напр., высокаго положенія своими хорошими дѣлами — это можетъ доставить ему долю счастья: чловѣкъ нравственно удовлетворенъ; достигшій того же обманами, интригами, преступленіемъ будетъ вѣчно бояться утраты своего положенія, чувствовать себя не на мѣстѣ — положеніе вмѣсто счастья доставитъ огорченія, униженія, оскорбленія, можетъ послѣдовать и кара закона. Одинъ получилъ наслѣдство — и это послужило началомъ его нравственнаго паденія; другой — наоборотъ — приобрѣтенное сдѣлалъ источникомъ счастья личнаго и счастья всѣхъ окружающихъ своихъ близкихъ. Первый потомъ, послѣ безпутной жизни, разорился — и именно это послужило къ его нравственному подъему: онъ вдумался въ свое положеніе, серьезно занялся дѣломъ, приобрѣлъ скромность, энергію, сталъ понимать горе ближнихъ и приходитъ къ нимъ на помощь — и онъ доволенъ своею судьбою. По аналогіи, то же можно сказать и о другихъ, такъ называемыхъ, благахъ: счастье не въ нихъ — атихъ „благахъ“, а въ томъ, какъ чловѣкъ относится къ нимъ. Зло не было бы такъ преступно, еслибы оно отражалось только личными несчастіями: каждый — распорядитель своего счастья. Но какою бы узкою жизнью ни жилъ чловѣкъ, онъ не можетъ совершенно изолироваться отъ другихъ людей: существуетъ связь съ семействомъ, съ ближайшею средою, съ

обществомъ, съ государствомъ; преступленіе же болѣзненно рветъ эти связи. Преступленіе отца семейства и слѣдующее за нимъ наказаніе (смертная казнь, ссылка, денежный штрафъ) необходимо отразится на вѣншемъ благосостояніи семьи, отразится и на ея нравственности; если даже отецъ и не понесетъ наказанія, то его душевное настроеніе, непременно, отразится на семьѣ, если не побоями, то непривѣтливостію, злобою. Старецъ Зосимъ говоритъ (Достоевскій „Братья Карамазовы“): „На всякъ день и часъ, на всяку минуту ходи около себя и смотри за собой, чтобы образъ твой былъ благолѣпенъ. Вотъ ты прошелъ мимо малаго ребенка, прошелъ злобный, со сквернымъ словомъ, съ гнѣвливой душой; ты и не примѣтилъ, можетъ, ребенка-то, а онъ видѣлъ тебя, и образъ твой неприглядный и нечестивый, можетъ, въ его беззащитномъ сердечкѣ остался. Ты и не зналъ сего, а можетъ быть, ты уже тѣмъ въ него сѣмя бросилъ дурное, и возрастетъ оно, пожалуй“. Такъ, дѣйствительно, возрастаетъ сѣмя и дѣти преступниковъ очень часто дѣлаются преступниками; если не доходитъ до этого, жизнь портится отъ ненормальнаго воспитанія. Негодный чиновникъ вноситъ диссонансъ въ жизнь сослуживцевъ, можетъ дурно вліять и примѣромъ; если онъ — начальникъ, то портитъ все учрежденіе: помимо прямыхъ злоупотребленій по службѣ, онъ худшую часть подчиненныхъ привлекаетъ (иногда невольно) къ служенію его начальническимъ страстямъ — создаетъ среду, какая ему нравится: конечно, это не внесетъ счастья въ среду, напротивъ, — причинитъ много несчастій. Чѣмъ шире сфера дѣятельности человѣка, тѣмъ шире кругъ отраженія его злыхъ дѣлъ со всѣми послѣдствіями.

Установить естественную связь между преступленіемъ — съ одной стороны и голодомъ съ пожарами — съ другой мы не можемъ; по библейскому же взгляду, это непосредственное дѣйствіе гнѣва Божія; такъ: когда Давидъ согрѣшилъ, появилась страшная смертность въ народѣ — Ангелъ истреблялъ людей; за упорство Фараона на Египетъ наслано десять казней. Такое вѣрованіе даже свойственно и язычникамъ: преступленія Эдипа навлекли бѣдствія на Оивы. Откуда у грековъ язычниковъ такое вѣрованіе? Даже на низкой степени развитія

человѣку свойственно осмысливать явленія. Ближайшая причина, напр. голода (безснѣжная зима, бездождіе и проч.), не осмысливаетъ явленіе—оно все-таки остается безцѣльнымъ и потому непонятнымъ. Объ этомъ прекрасно разсуждаетъ Страховъ („Борьба съ Западомъ II ч. 318 стр.): Убить человѣкъ громомъ; „во время суевѣрій“—люди сказали бы: за этимъ человѣкомъ было тайное преступленіе. По этому объясненію фактъ представляется цѣлесообразнымъ, въ немъ есть смыслъ. По новому воззрѣнію—убила человѣка слѣпая сила—электричество, убила такъ себя, ни за что, ни про что; эта сила не могла руководиться какою-нибудь цѣлью: она сдѣлала это ни для добра, ни для зла. Что-то странное! „этотъ человѣкъ имѣлъ, говоря нынѣшнимъ языкомъ, всѣ права на жизнь, не былъ ни въ чемъ виноватъ, могъ быть полезенъ для общества, нуженъ для семейства,—спрашивается, зачѣмъ же совершилась такая безсмыслица? Если мы подумаемъ, что жизнь величайшаго генія точно такъ-же виситъ на волоскѣ, какъ и жизнь всякаго человѣка, что игра случайностей дѣйствуетъ ежедневно, ежеминутно, что противъ нея нѣтъ никакихъ силъ и средствъ, то мы, вмѣсто радости объ открытіи электричества, можемъ впасть въ самый мрачный пессимизмъ: всего не откроешь и ото всего не оградишься“. Безотраднымъ взглядомъ, допускающимъ отсутствіе) высшего порядка, уничтожается всякій мотивъ жить высшими интересами: не смотри на небо, живи животною жизнію—въдѣ слѣпая сила смететъ тебя со всѣми твоими дѣлами. Человѣкъ, не испорченный различными теоріями, не помирится съ этимъ взглядомъ, а остановится на взглядѣ религіи: кромѣ естественнаго, такъ сказать—осязательнаго порядка, есть еще высшій, нравственный порядокъ, которымъ проникнуты всѣ явленія даже физическаго міра.

1897 г. 5 Августа.

Эривань.

А. Барсовъ.